

3. Власть и общество в условиях гражданской войны: теоретические и историографические подходы

О.С. Поршнева

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И РАБОЧИХ УРАЛА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Осмысление проблем развития Урала в конце XIX – первой четверти XX в. может быть реализовано на основе использования концептуального инструментария теории модернизации. Интерпретация на его основе социально-экономических, политических и социокультурных трансформаций, происходивших в России и уральском регионе в период раннебуржуазной модернизации, позволяет выявить направленность и характер изменений, обусловленных процессами индустриализации, урбанизации, распространения образования, роста социальной мобильности и других: их влияние на отношения власти и различных общественных сил. Кризисные явления и тенденции, порожденные мировой войной и революцией, приобретя особую остроту и масштабы, во многом определяли антропологическое измерение российской гражданской войны. В то же время утвердившиеся в результате победы большевиков ценности, военно-коммунистическая идеология и психология правящей верхушки и части общества, в том числе рабочих, порожденные гражданской войной, оказали определяющее влияние на развитие советского общества в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: гражданская война, власть, Урал, общество, военно-коммунистическая идеология

Осмысление проблем развития Урала в конце XIX – первой четверти XX в. может быть реализовано на основе использования концептуального инструментария теории модернизации. Интерпретация на его основе социально-экономических, политических и социокультурных трансформаций, происходивших в России и уральском регионе в период раннебуржуазной модернизации, позволяет выявить направленность и характер изменений, обусловленных процессами индустриализации, урбанизации, распространения образования, роста социальной мобиль-

ности и других: их влияние на отношения власти и различных общественных сил. Во многом эти изменения определяли формирование нового конкретно-исторического контекста, в котором разворачивались события Первой мировой войны, революции и гражданской войны. Модернизационные сдвиги в отношениях власти и общества проявлялись, в том числе на Урале, в формировании элементов гражданского общества и вовлечении различных категорий населения в гражданскую деятельность и политические процессы²⁵⁴. Эти тенденции затронули и рабочих, которые участвовали в выборах в Государственную Думу, деятельности политических партий (прежде всего РСДРП и ПСР), профсоюзов, кооперативов, культурно-просветительных, благотворительных обществ.

В условиях буржуазной модернизации происходило постепенное повышение уровня жизни рабочих, несмотря на сохранение в целом низкого уровня жизни большинства из них. Особенно существенными сдвиги в социально-экономическом положении рабочих были в предвоенный период промышленного подъема. Под влиянием развития капитализма в промышленности, улучшения социально-экономического положения и прогресса в культурном развитии рабочих происходил рост их потребностей, запросов и ожиданий, являвшийся, в свою очередь, стимулом их борьбы за политическое и правовое равноправие, достойный уровень жизни. Еще в конце XIX в. в России, по мнению Л. Хэймсона, становятся заметными признаки того, что начался процесс, который западные общественные науки называют «*revolution of rising expectations*» – резкое повышение уровня социальных ожиданий и требований, а также общее недовольство своим положением среди населения больших городов и крупных промышленных и торговых центров²⁵⁵. Влияние данных процессов на сознание и поведение рабочих в период, непосредственно предшествовавший революции и гражданской войне, нельзя недооценивать²⁵⁶.

---

²⁵⁴ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 11-11-6601а/У).

²⁵⁴ См.: Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй пол. XIX – начала XX в.: социальный аспект. Екатеринбург, 2011.

²⁵⁵ Хэймсон Л. Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 6.

²⁵⁶ Кирьянов Ю.И., Бородин Л.И. Влияние различных факторов социального, экономического и политического характера на рабочее движение в России в конце XIX – нач. XX вв. // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. М., 1992. С. 40–78; Хэймсон Л., Петруша Р. Опыт математико-статистического исследования данных «Сводов отчетов фабричных инспекторов» о стачках рабочих в России в 1912–1914 гг. // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985. С. 115–147; Хэймсон Л., Бриан О. Стаечное движение в России во время первой мировой войны: количественный анализ и интерпретация // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях. С. 79–113; Искомцев М.Г. Формы борьбы рабочих в Центральном промышленном районе России и факторы экономического и политического развития в годы первой мировой войны (июль 1914

Одним из проявлений модернизационных сдвигов в рабочей среде была эволюция форм рабочего протеста. И.М. Пушкарева на основе нового подхода к анализу источников показала, что в оценке рабочего движения важно учитывать не только содержание, но и формы выражения рабочими своего недовольства, так как последние отражают специфику восприятия ими хозяев – предпринимателей и своего социального положения в целом. Факторами, обусловившими тенденцию нарастания количества активных, стачечных форм борьбы, их удельного веса в общей численности социальных выступлений, по данным Пушкаревой, были «рабочее законодательство вкупе с социал-демократической агитацией», которые «размывали устойчивое представление у рабочих о запрещенном и дозволенном, десятилетиями существовавшее во взаимоотношениях между хозяином и рабочим», а также опыт революции 1905–1907 гг.²⁵⁷

Модернизационные процессы, однако, проявлялись в России своеобразно, имели особую социокультурную почву. Социокультурные особенности российского общества и его отдельных регионов могут быть выявлены и осмыслены на основе использования концептуального аппарата современных цивилизационных теорий²⁵⁸. Синтез модернизационного и цивилизационного подходов и, соответственно, мультипликация их познавательных возможностей является одним из путей совершенствования теоретического инструментария исторических исследований²⁵⁹. Цивилизационные особенности оказывали воздействие на характер и динамику модернизационных процессов, определяя фундаментальные, наиболее устойчивые структуры и ценности социума. Выявление факторов и форм цивилизационного своеобразия, исторической преемственности и инерции, проявившихся в том числе на уровне региона, позволяют исследовать «структуры большой протяженности» (менталитет, традиционные властные, трудовые, семейные отношения и т.д.) применительно к России и Уралу рассматриваемого периода.

К числу цивилизационных особенностей России, влиявших на отношения власти и общества в период раннебуржуазной модернизации, можно отнести сохранение определяющей роли государства в общественном развитии, авторитарно-патриархальной политической культуры

февраль 1917 г.) // Там же. С. 142–154; Пушкарева И.М. Новый подход к анализу источников по социальной истории (жалобы, прошения, требования рабочих на рубеже XIX–XX вв. в ракурсе дискурсивных методов исследования) // Доклады Вторых Морозовских чтений. Ногинск–Богородск, 1996. С. 157–161.

²⁵⁷ Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 161.

²⁵⁸ См.: Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов и др. Екатеринбург, 2011. С. 35–38.

²⁵⁹ Там же. С. 38.

большинства населения, представленного крестьянством, его общинного менталитета. Так, одной из черт менталитета российских рабочих был коллективизм, имевший крестьянские корни. Несмотря на то, что само крупное производство порождало у пролетариев особый тип психологии, склонность к солидарным действиям, в России на формы и характер рабочего коллективизма в наибольшей степени оказывали влияние традиции общины. Общинная психология, модели поведения внешне были подобны «высшим» формам пролетарского сознания, что особенно отчетливо проявлялось в социокультурной ситуации «завод-рабочий поселок»²⁶⁰. При анализе сознания и поведения рабочих в переходный период модернизационной трансформации следует учитывать также крайнюю неоднородность рабочего социума, проявлявшуюся на всероссийском и региональном уровнях²⁶¹, особенности социокультурного облика российского рабочего, отличавшие его и от крестьянина и от западных пролетариев²⁶².

Изучение рассматриваемой проблемы предполагает учет региональных особенностей уральского исторического пространства, определявших специфику социальных основ властных отношений, социокультурных характеристик уральского населения, в том числе рабочих, их взаимоотношений с властью, поведения в военное и мирное время и т.д. Определение своеобразия исторического развития, специфики модернизационных трансформаций на уровне региона может быть более эффективным на основе использования идей регионально-ориентированной модели теории модернизации, предложенной И.В. Побережниковым. Обосновывая ее, автор пишет о важности исследования пространственных измерений модернизации, учета территориальной неоднородности модернизационных процессов, вариативности «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации, своеобразия регионального проявления национальных традиций²⁶³. Пространственно-ориентированная модель модернизационного анализа предусматривает, в частности, признание вариативного, неоднозначного характера взаимодействия традиции и модер-

---

²⁶⁰ См.: Булдаков В.П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 20–21; Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. // Отечественная история. 1997. № 4. С. 48.

²⁶¹ См.: Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. С. 51; Полищук П.С. Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX – нач. XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 115; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

²⁶² Кирьянов Ю.И. Рабочие в России на рубеже XIX–XX вв. С. 51; Пушкарева И.М. Указ. соч. С. 161; Булдаков В.П. Указ. соч. С. 81–102.

²⁶³ Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 227–235.

низации, акцентирование внимания на роли социальных акторов (коллективов и индивидов) и другие важные положения²⁶⁴, позволяющие более глубоко осмыслить процессы регионального развития. На основе учета региональных особенностей можно определить специфику социальных взаимодействий, культуры и менталитета горнозаводского населения Урала, в том числе уральских рабочих, определявшую глубинные основания взаимоотношений власти и рабочих в условиях революции и гражданской войны. Речь идет о таких характеристиках социально-исторического контекста как сохранение вплоть до революции 1917 г. окружной системы организации горнозаводского производства, многочисленных феодальных пережитков в системе землевладения и землепользования, тесной связи рабочих с землей, незавершенность превращения горнозаводских рабочих в класс, преобладание сословных характеристик в их статусе, положении, самосознании и культуре²⁶⁵.

Как показывают уральские исследователи, несмотря на воздействие модернизационных процессов, на рубеже XIX–XX вв. сохранялась особая, имевшая доиндустриальную основу, культура горнозаводского населения, поддерживавшаяся горнозаводской системой, формировавшая у ее носителей черты сословного сознания, складывавшегося в противоречивом сочетании старых и новых стереотипов²⁶⁶. Менталитет горнозаводских рабочих характеризовался этатизмом и приверженностью патерналистской политике государства, стремлением к сословным привилегиям, традиционным отношением к земле и отрицанием буржуазной собственности на землю, настороженным отношением к «чужим», в том числе «образованным» слоям общества²⁶⁷. Наряду с этим большинство рабочих Урала в начале XX в. не имело сложившихся политических представлений; преобладающим социокультурным типом оставался рабочий, характеризующийся доминированием традиционалистских установок и моделей поведения²⁶⁸.

Признавая изменения в общественной жизни и экономическом развитии региона во второй половине XIX – начале XX в., Побережников верно отмечает, что «"несвобода" во всех ее проявлениях выкорчевывалась медленно, в том числе и в общественной жизни, а инерция

---

²⁶⁴ Там же. С. 233–234.

²⁶⁵ Алеврас П.П. «Заперты мы на заводе»: локальный мир горнозаводской культуры дореволюционного Урала // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX вв. Сб. ст. Челябинск, 2003. С. 59–69; Голикова С.В. «Люди при заводах»: Обыденная культура горнозаводского населения Урала XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2006; Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 294–300.

²⁶⁶ Алеврас Н.Н. Указ. соч. С. 61; Голикова С.В. Указ. соч.

²⁶⁷ Алеврас Н.Н. Указ. соч. С. 61–67.

²⁶⁸ Постников С.П., Фельдман М.А. Указ. соч. С. 294.

истории в определенной степени обеспечивала континуитет исторических процессов вне зависимости от «великих» преобразований»²⁶⁹.

Анализ взаимоотношений власти и рабочих Урала в условиях гражданской войны предполагает обращение к подходам социальной и социокультурной истории. Это обусловлено необходимостью рассмотрения целого спектра явлений социальной жизни и проблем социальных трансформаций, происходивших в регионе в исследуемый период. К ним относятся формирование и эволюция властных структур, существенные черты этих структур как социальных институтов, преобразования социально-исторического контекста, социальные характеристики рабочих, взаимоотношение властных институтов и рабочих в повседневной жизни и др. Данная проблематика находится на стыке политической, социальной и культурной истории, что соответствует современному облику социальной истории и ориентации новейших дисциплинарных исследований на исторический синтез. По оценке Л.П. Репиной, взаимопроницаемость разделов и специализаций историографии в современных условиях подходит к самой высокой отметке, и социальные историки, анализируя сложные переплетения экономических, политических, культурных процессов, все чаще ставят перед собой стратегические задачи всеобщей истории²⁷⁰. На смену старой «новой социальной истории» приходит новейшая, ориентированная на комплексный анализ субъективного и объективного, микро- и макроструктур в человеческой истории, превращаясь в своей основе в социокультурную в той мере, в какой реализуется ее синтетический потенциал²⁷¹.

Комплексное изучение темы, в силу этого, невозможно без учета достижений и использования инструментария новой социальной и новой социокультурной истории. Новая социальная история, сложившаяся в последние десятилетия XX в. на основе трансформации традиционной социальной истории, характеризуется анализом не только и не столько социальных структур и процессов, сколько социальных практик действующих индивидов. Использование познавательного потенциала категории «социальные практики» предполагает обогащение исследования «субъективной перспективой» действующих исторических лиц – последовательным анализом их ментальных актов, интерпретационных схем,

---

²⁶⁹ Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций XVIII – начала XX вв.: теория и история // Урал в контексте российской модернизации. Сб. ст. Челябинск, 2005. С. 19.

²⁷⁰ Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории (Часть II) // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 38.

²⁷¹ См.: Там же.

акцентирующем расхождения между культурно заданными значениями и индивидуальным, исторически обусловленным их употреблением²⁷².

В отличие от традиционной социальной истории для ее новейшей модели характерно понимание социального контекста деятельности как ситуации, задающей не только условия, но вызовы и проблемы, требующие своего разрешения, а также установка на то, что субъективность исторического актора (индивида или группы) во многом определяет результаты его деятельности, которая, в конечном счете, преобразует собственный контекст²⁷³.

Обоснование значения категории «практики» для анализа социально-исторической реальности дано в «теории структуриации» Э. Гидденса, объясняющей соотношение социальных структур, процессов и человеческой деятельности²⁷⁴. Согласно ей, структурные свойства социальных систем являются одновременно и средством, и результатом практики, которую они организуют, поскольку структура предстает как совокупность «правил», «ресурсов» и «процедур» и реализуется только в процессе их применения – в повседневной социальной практике исторических акторов²⁷⁵.

В рамках структуриационного подхода историческая (социальная) реальность рассматривается как следствие структурирования социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянной интеракции предшествующей структуры и индивидуальной воли²⁷⁶. Структуриационный подход, представляющий собой интеграцию структуралистской и деятельностной перспектив в изучении социальных процессов предлагает и Г. Тёрборн. По мнению Тёрборна, на социальный мир можно глядеть с двух выгодных позиций, высвечивающих свойственные человеку как актору составляющие – культуру и структуры. Человеческие общества, поясняет свой подход исследователь, состоят из индивидуальных и коллективных акторов, действующих в контексте (и воздействующих на) культуры и структуры. Под *культурой* автор понимает то, что усваивается и разделяется людьми, что относится к универсуму значений и символов, что обеспечивает внутреннее руководство к действию в рамках общества. Структура же рассматривается Тёрборном как способ типизации (структурирования) ресурсов и ограничений, доступных (или присущих) людям как социальным акторам. Люди действуют определенным образом именно потому, что они

---

²⁷² Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 146.

²⁷³ Там же. С. 159.

²⁷⁴ Гидденс Э. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 40–71.

²⁷⁵ Гидденс Э. Указ. соч.; Ретина Л.П. Историческая наука... С. 158.

²⁷⁶ Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв... С. 48.

принадлежат к специфической культуре и/или потому, что они располагаются в специфическом месте в структуре ресурсов и ограничений²⁷⁷.

Использование идей структурационного подхода позволяет, таким образом, соединить анализ социальных структур и человеческой деятельности. Без чего невозможно осуществить исследование взаимоотношений власти и рабочих в условиях гражданской войны.

Новая социальная история, характеризующаяся интересом к человеку «как элементарной клеточке живого и развивающегося общественного организма»²⁷⁸, меняет ракурс рассмотрения общественных процессов: история изучается не «сверху», через восприятие «сильных мира сего» и не через официальный дискурс, воплощающий «язык власти», а как бы «снизу» и «изнутри»²⁷⁹. По оценке А.К. Соколова, в последние десятилетия существенно изменилась и проблематика социальной истории: на первый план вышли социально-культурная практика и социальная мотивация человеческого поведения²⁸⁰. В теоретическом отношении новая социальная история опирается на принципы современной философской герменевтики, лингвистики, теории языка и дискурса, т.е. подходы, создающие возможность осуществления методологического синтеза, реализации задач междисциплинарного исследования. Большая роль отводится микроанализу, историческому синтезу на микроуровне общества.

Значительное влияние на современные исследования гражданской войны оказали подходы «новой культурной истории» и «новой политической истории», позволившие создать новаторские интерпретации войны. В сферу рассмотрения приверженцев данных направлений включаются менталитет и массовые представления, идеологии, символы и ритуалы, язык и массовые действия, которые рассматриваются как исторический текст, подлежащий смысловой расшифровке. В центре внимания оказываются не идеологии, как было ранее, а политические практики, причем не столько «верхов», сколько представителей среднего и низших политических звеньев, а гражданская война изучается как часть общего военно-революционного кризиса, начавшегося с Первой мировой войной²⁸¹.

---

²⁷⁷ Там же. С. 49–50.

²⁷⁸ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Теоретические проблемы исторических исследований. М., 1998. Вып. 1. С. 108.

²⁷⁹ Он же. Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. С. 79.

²⁸⁰ Там же. С. 78–79.

²⁸¹ Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 152–153.

Использование подходов новой политической и новой культурной истории ориентирует на изучение политической культуры и политических практик как представителей и носителей власти, так и рабочих. Это позволяет учесть, что формирование новой советской политической системы происходило на особой почве российской политической культуры. прежде всего традиционной политической культуры массовых слоев населения. и сопровождалось оформлением и укреплением новой. по сравнению с дореволюционной, политической культуры. Согласно Г. Алмонду²⁸², каждой политической системе свойственна определенная политическая культура, образец ориентаций на политическое действие. В качестве элементов политической культуры Алмонд выделяет восприятие различных аспектов политической жизни на уровне знаний и представлений, эмоциональный настрой (политические симпатии и антипатии) и оценочное (нормативное) отношение к политическим явлениям и структурам²⁸³. Как отмечает Б.И. Колоницкий, изучение политических культур особенно важно для историков революций: в нестабильные периоды политические институты порой почти растворяются в политической культуре, и в то же время создаются условия для «застывания», «кристаллизации» политических культур, создания на их основе новых политических институтов²⁸⁴. В полной мере данное замечание справедливо для периода гражданской войны, ставшего продолжением и частью российского революционного процесса 1917–1922 гг. При этом необходимо учитывать фактор архаизации общественных и, в частности, властных отношений в периоды глубоких социальных кризисов, гражданских войн, актуализирующих архаические модели социальности и пласты человеческого сознания²⁸⁵. В этих условиях происходит поиск новых форм социальных связей, обеспечения социального единства на иной основе, что обуславливает тягу сознания к семиотичности, возрастание роли политических символов²⁸⁶.

Актуализированная социальная архаика проявлялась в период революции и гражданской войны во властных отношениях, моделях

---

²⁸² Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton (N.Y.), 1963.

²⁸³ Колоницкий Б.И. Политические символы и борьба за власть в 1917 году. Автореф. дисс. докт. ист. наук. СПб., 2002. С. 6.

²⁸⁴ Там же. С. 6–7.

²⁸⁵ Булдаков В.И. Указ. соч.; Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 9; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 42; Коробков Ю.Д. Формирование стереотипов массового сознания (на примере «образа врага») как одна из социально-психологических предпосылок Гражданской войны // Гражданская война на Востоке России. Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток. Материалы Всероссийской научной конференции. г. Пермь. 25–26 ноября 2008. Пермь, 2008. С. 158.

²⁸⁶ Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 9.

управления и подчинения, способах и масштабах применения насилия и т.д. В поведении российских рабочих она находила выражение в архаических «коллективных автоматизмах» в деятельности членов фабрично-заводских комитетов. Советов, отношениях с администрацией предприятий, властями, в стачечном движении, бунтарских акциях и т.д. Особенно отчетливо социальная архаика в действиях рабочих проявилась в их участии в различных формах погромных выступлений, показавших всю силу исторических традиций российского бунтарства и не выходящих за рамки поведенческой альтернативы традиционного типа: смирения и бунта. В то же время важную роль в борьбе с погромным движением в этот период сыграли наиболее организованные группы рабочего класса²⁸⁷. В целом же, по меткому выражению В.П. Булдакова, общинная психология, характерная для российских рабочих, не знавшая переходных форм между бунтом и смирением, создавала общую предрасположенность к постепенной трансформации стихийного революционаризма в психологию «винтика»²⁸⁸. На Урале, как показал И.В. Нарский, в период гражданской войны архаизация форм борьбы проявлялась не только в бесчисленных и безнаказанных актах насилия в отношении гражданского населения – погромах, поджогах, грабежах, но и в широком применении, особенно на Южном Урале, тактики ведения босых действий, известной со времен пугачевщины: налетов, быстрых передвижений, неожиданных атак, осады и обороны городов. Эти характеристики в равной мере относились как к «белым», так и к «красным»²⁸⁹.

Изучение влияния гражданской войны на эволюцию властных структур, социальные практики, взаимоотношения различных слоев населения и власти невозможно без учета особой природы войны как специфического общественного явления. Война характеризуется экстремальным состоянием социума, что предполагает использование специфических подходов и методов его изучения, выработанных военно-исторической антропологией²⁹⁰. Лидер этого направления Е.С. Снявская ставит перед исследователями задачу изучения того общего и особенного в войнах, что влияет на психологию социума в целом (а не только армии), анализ ценностей, представлений, верований, традиций

²⁸⁷ Канищев В.В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995; Его же. Можно ли измерить параметры «русского бунта»? // Круг идей: Историческая информатика в информационном обществе. Труды VII конференции Ассоциации «История и компьютер». М., 2001. С. 134–159.

²⁸⁸ Булдаков В.П. Указ. соч. С. 90.

²⁸⁹ Нарский И.В. Указ. соч. С. 42.

²⁹⁰ Снявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 13.

и обычаев всех социальных категорий в контексте назревания войны, ее хода, завершения и последствий на основе междисциплинарной кооперации истории и военной науки, психологии, социологии²⁹¹. Военно-историческая антропология ориентирует на рассмотрение гражданской войны как продолжения и особого этапа в развитии «воюющего» российского общества, погруженного в состояние чрезвычайных условий военного времени с начала Первой мировой войны.

В годы Первой мировой войны произошли изменения в ценностных ориентациях и психологии россиян, затронувшие широкие слои населения и оказавшие влияние на их поведенческие практики в условиях революции и гражданской войны. Беспрецедентная по числу жертв мировая война привела к притуплению восприятия смерти значительной частью населения, ожесточению огромной многомиллионной массы людей, выработки у них милитаризованного сознания, склонности к крайним силовым действиям, девальвации ценности человеческой жизни. Когнитивный диссонанс из-за причастности к насилию порождал процесс изменения психологических установок по отношению к нравственным нормам, запретам и ограничениям мирного времени, религиозным заповедям. Одновременно была создана почва для возрождения архаических мыслительных стереотипов, причудливо сочетавшихся с порожденными модернизацией и техническим прогрессом рационалистическими установками²⁹².

Изменения в социальном составе рабочего класса в условиях мировой войны, кризис доверия рабочих по отношению к власти и имущим верхам, приобретение рабочими опыта насильственного перераспределения ценностей, расширяющаяся практика государственного регулирования военного производства и потребительского рынка – все это подготовило существенные сдвиги в умонастроениях рабочих. Это выразилось в более широком перенесении в рабочую среду общинных традиций трудовой демократии и коллективизма, крестьянских ценностей уравнительной справедливости, распространении настроений в пользу государственного регулирования производства и распределения продукции в интересах трудящихся.

В годы мировой войны и революции произошел перенос негативного эмоционального комплекса с внешнего противника на внутреннего в восприятии значительных слоев населения, формирование под влиянием ряда факторов образа внутреннего врага в разных, сменяющих друг друга модификациях («внутреннего немца», «темных сил», «буржуазии»), что способствовало не только аккумуляции в обществе взры-

---

²⁹¹ Там же. С. 5, 13–14.

²⁹² См.: Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

воопасной энергии гражданского противостояния, углублению раскола российского социума, но и стало одной из социально-психологических предпосылок гражданской войны. В то же время в условиях «тотальной» войны, действия системы чрезвычайного управления получила благодатную почву российская традиция властного произвола и насилия, приобретшего новые формы и масштабы.

Кризисные явления и тенденции, порожденные мировой войной и революцией, приобретаю особую остроту и масштабы, во многом определяли антропологическое измерение российской гражданской войны. В то же время утвердившиеся в результате победы большевиков ценности, военно-коммунистическая идеология и психология правящей верхушки и части общества, в том числе рабочих, порожденные гражданской войной, оказали определяющее влияние на развитие советского общества в 1920–1930-е гг.

O. S. Porshneva

Porshneva Olga Sergeevna – professor of chair of history of Russia of Institute of fundamental formation of the Ural federal university, the doctor of historical sciences, professor.

**CONCEPTUAL AND THEORETICAL APPROACHES
TO STUDYING OF PROBLEMS OF RELATIONSHIP
THE POWER AND WORKERS OF URAL IN THE YEARS OF CIVIL
WAR**

The judgment of problems of development of Ural at the end of XIX 1 of the first quarter of the XX century can be realized on the basis of use of conceptual tools of the theory of modernization. Interpretation on its basis of the social and economic, political and sociocultural transformations happening in Russia and the Ural region in the period of early bourgeois modernization, allows to reveal an orientation and nature of the changes caused by processes of industrialization, an urbanization, distribution of education, growth of social mobility and others; their influence on отношения the power and various public forces.

The crisis phenomena and the tendencies generated by world war and revolution, having gained special sharpness and scales, in many respects defined anthropological measurement of the Russian civil war. At the same time approved as a result of a victory of Bolsheviks of value, the military and communistic ideology and psychology of a ruling clique and part of society, in-

cluding the workers, generated by civil war, had defining impact on development of the Soviet society in the 1920-1930th.

Key words: civil war, power, Urals, society, military and communistic ideology

М.А. Фельдман

**ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ
В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА УРАЛЕ
В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И РАБОЧИХ
(проблемы историографии)**

Трудно найти историка, занимавшегося историей Гражданской войны, который бы не обращался к проблеме причин поражения Белого движения. Закономерность поражения Белого движения в советской историографии не вызывала сомнений и вытекала из «исторически более прогрессивного строя», возникшего в октябре 1917 г. При этом региональная специфика чаще всего служила только фоном проявлений общероссийских тенденций. Опыт государственной политики уходящего строя (в данном случае, феодального) оказался малоподходящим для формирующегося нового общества. Победа досталась той стороне, которая смогла более полно использовать новейший мировой опыт: практику милитаризации экономики и общества в годы Первой мировой войны. Однако и консервация этого опыта на долгие десятилетия в конечном итоге обернулась крахом советского государства.

Ключевые слова: гражданская война, Белое движение, государственная политика, Первая мировая война

Трудно найти историка, занимавшегося историей Гражданской войны, который бы не обращался к проблеме причин поражения Белого движения. Закономерность поражения Белого движения в советской историографии не вызывала сомнений и вытекала из «исторически более прогрессивного строя», возникшего в октябре 1917 г. При этом региональная специфика чаще всего служила только фоном проявлений общероссийских тенденций.

Уральская тематика занимала весомое место в историографии Гражданской войны в России в силу важного значения военной промышленности края в оборонном потенциале страны, а также из-за уникального состава белого движения, в составе которого участвовали тысячи рабочих казенных горнозаводских округов Урала. Замолчать такое